

УДК 904

DOI: 10.17223/19988613/54/8

С.Г. Скобелев

ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПЛАНИРОВКИ РУССКИХ ОСТРОГОВ СРЕДНЕЙ СИБИРИ ПО ОПИСАНИЯМ Г.Ф. МИЛЛЕРА

*Исследование выполнено в рамках базовой части государственного задания
в сфере научной деятельности (проект № 33.5677.2017/БЧ).*

Для археологического изучения русских острогов важно знать их планировку. В данном отношении для Средней Сибири наиболее полную информацию содержат материалы путешествий 1735 и 1739 гг. Г.Ф. Миллера. В ходе анализа этих сведений сделан единовременный «срез» планировки, конструктивных особенностей и текущего состояния сооружений 16 из 19 известных острогов и 3 укрепленных деревень, уточнены сведения о планировке Канского и Саянского острогов. Эта информация может являться важным подспорьем при проведении возможных раскопок данных памятников. Она характеризует также степень боеготовности острогов и уровень безопасности на разных территориях региона в 30–40 гг. XVIII в.

Ключевые слова: Средняя Сибирь; XVIII в.; остроги; планировка.

Остроги как первые пункты государственности играли ключевую роль в освоении Сибири и вхождении ее в состав России. Именно они защищали границы государства, обеспечивали хозяйственную и культурную деятельность русского населения на новых территориях. При их исследовании важно выявить планировку, основные конструктивные особенности, строительные приемы и архитектурные формы, поскольку в деревянном зодчестве отражены исконно русские народные традиции в виде «как общих для всей России, так и характерных для местного архитектурного творчества» [1. С. 8; 2]. В более широком смысле можно будет проследить способ адаптации русских людей на новых территориях. Поскольку вероятные археологические исследования на площади острогов дадут нам материал в первую очередь из верхних, т.е. наиболее поздних, частей культурного слоя, и такой материал будет значительно информативнее ниже лежащих в смысле наличия возможности более широкого использования сведений письменных источников, то эти данные как вспомогательные необходимо обобщить и систематизировать, начиная с наиболее поздних. Поэтому целью данного исследования является установление планировки острогов, находившихся на территории крупной части региона – Средней Сибири.

Планы, схемы, описания и иные сведения для большинства острогов можно найти в исторических источниках различного характера. Это правительственные указы, донесения в Москву с приложениями планов сооружений, местная административная документация, первая карта Сибири С.У. Ремезова с изображениями острогов и более поздние картографические материалы, свидетельства послов, академических ученых, путешественников и т.д. Согласно им в конце XVI–XVIII в. в Сибири возводились главным образом дерево-земляные оборонительные сооружения, сопровождавшиеся служебной, хозяйственной, религиозной и жилой составляющей. Ими могли быть зимовья (избы

с нагордью», т.е. с боевой надстройкой), а также более сложные и развитые по конструкции крепости, независимо от вида оборонительных стен, размера и характера обороняемой территории получившие обобщенное наименование «острог» [3].

В Средней Сибири (в основном, это пределы современных Красноярского края и Хакасии, в первой трети XVIII в. – территория Мангазейского, Енисейского, Красноярского и частично Томского уездов Енисейской провинции Сибирской губернии) известны следующие остроги (по хронологии создания): Кетский (1596 г.; ставился 5 раз в разных местах по р. Кеть), Новая Мангазея или Туруханск (начинался с зимовья 1607 г.), Маковский (1618 г.), Енисейский (1619 г.), Мелеский (1621 г.; несколько раз сжигался, перестраивался, переносился на новые места), Красноярский (1628 г.), Рыбинский (1628 г.), Ачинский (1641 г.; переносился не менее трех раз), Канский (начинался с зимовья 1628 г., затем ставился дважды в разных местах по р. Кан), Нижнеудинский (начинался с зимовья 1646 или 1648 г.), Бельский (Беловский) в Енисейском уезде (1667 г.), Кемский, Тасеевский (годы постройки не известны), Караульный верхний (или Бельский в Красноярском уезде) (1675 г.), первый и второй Абаканские (1675 и 1707 гг.), Ломовской (1676 г.), Караульный нижний (1680 г.), Саянский (1718 г.). Кроме того, села Есаулово и Частоостровское на Енисее, а также Подъемное в Красноярском уезде имели деревянные стены со рвами, надолбами и рогатками, т.е. с точки зрения фортификации являлись острогами [4].

В нашем распоряжении применительно к выделенной территории, как уже указывалось, имеется значительный объем разнородных письменных источников, позволяющих проследить «топографическую историю» большинства этих объектов. Но они в основном разновременные, относящиеся обычно к отдельным объектам или их небольшим группам. Кроме того, нужно учитывать, что многие остроги переносились на новые

места или перестраивались по новым планам и технологиям в разное время. Лишь по материалам Г.Ф. Миллера, лично побывавшего в регионе, можно получить своеобразный «срез», единовременную картину состояния почти всех их (за исключением первого Абаканского, Ломовского и Караульного нижнего острогов) на период 1735–1740 гг., т.е. времени проведения этой экспедиции, которое близко к началу этапа завершения функционирования на данной территории в целом объектов русской фортификации [4]. Поэтому в силу обозначенной выше цели важно провести обобщение этих конкретных материалов, которые в случае проведения археологических исследований будут соответствовать в основном верхним частям культурного слоя указанных объектов.

Кетский острог (южный берег протоки р. Кеть) имел четырехугольную форму со сторонами приблизительно по 20 сажень и 2 башни – угловую со стороны реки и проезжую со стороны суши. В остроге находились дом приказчика, канцелярия и 3 амбара. Церковь и частные дома располагались снаружи [Там же. С. 188]. К сожалению, Г.Ф. Миллер не указал, что стены были тыновыми – но это можно узнать из иных источников [5. С. 179–180].

Новая Мангазея (иначе **Туруханск**; правый берег Туруханской протоки Енисея), центр одноименного уезда Енисейской провинции – это четырехугольная деревянная крепость со сторонами в 40 сажень, с четырьмя угловыми башнями; 5-я башня (в западной стене) была проезжей. Слева от въезда в острог в одном ряду стояли караулка, воеводские канцелярия и жилой дом с пристройками. Напротив (справа от въезда) располагались старая часовня (в период пребывания Г.Ф. Миллера она служила амбаром наряду с погребом), а недалеко от крепостной стены, находящейся напротив ворот, стояло большое развалившееся здание, где прежде жили воеводы. Амбары для ясачной казны и казенного инвентаря были врублены в верхний этаж крепостной стены справа от ворот. Обе церкви, ратуша, гостиный двор, хлебный магазин, винный погреб, кабаки, пивоварня, часовня и частные жилища находились вне острога [4. С. 119]. К сожалению, ученый не указал, в какой технике были выполнены его стены.

В **Маковском остроге** (северный берег р. Кеть, выше Кетского острога, у начала волока на Енисей) в период путешествий Г.Ф. Миллера целой осталась лишь одна башня. В пределах острога имелись церковь, частные дома и различные амбары [Там же. С. 40].

Енисейский острог (левый берег Енисея в 11 верстах ниже устья р. Кемь), центр одноименного уезда и провинции, имел форму четырехугольника. В период путешествий Г.Ф. Миллера в этом первоначальном остроге, находившемся в центре города, имелись каменная церковь, старая и новая канцелярии, амбар для пушной казны, дом воеводы, караулка и тюрьма, внутри острога окруженная тыновой стеной. Собственно, город лишь на части его общей протяженности, состав-

лявшей 2,5 версты по берегу Енисея (всего 704 двора), был защищен тыновыми стенами, в плане имевшими форму полумесяца. В нем находились гостиный двор, ратуша, амбары, пороховой и провиантский магазины (2 последних были окружены по отдельности тыновыми стенами четырехугольной в плане формы; гостиный двор до пожара 1727 г. также имел защитные стены, не поставленные во время его восстановления). Имелись также два монастыря и несколько церквей [4. С. 39–40].

Мелесский острог, как писали, ссылаясь на Г.Ф. Миллера, Д.Я. Резун и Р.С. Васильевский, поставленный в последний раз на правом берегу Чулыма у устья р. Кемчуг с тыновыми стенами размерами 10×10 сажень, имел одну башню, дом приказчика и амбары. За стенами острога находились церковь и несколько частных домов [5. С. 206; 6].

Красноярский острог (стрелка рек Енисея и Качи), центр одноименного уезда Енисейской провинции, в период путешествий Г.Ф. Миллера состоял из Малого и Большого деревянных городов. Малый по форме представлял собой квадрат, периметр тыновых стен которого составлял около 280 сажень. По углам были рубленые башни. Имелась и проезжая башня. Внутри находились церковь, воеводская канцелярия с домом воеводы, оружейный склад, пороховой погреб, караулка, кузница, магазины и амбары. Большой город был защищен тыновой стеной с двумя проезжими башнями. Здесь имелись церковь с колокольной, ратуша с винным погребом, купеческие лавки, жилые дома. Весь комплекс строений со стороны суши и р. Качи защищался надолбами [4. С. 61]. Однако на гравюре А.Я. Колпашикова (по зарисовкам 1730-х гг.) Малый город имеет форму прямоугольника [7]. Исходя из того, что автор гравюры родился лишь в 1744 г. и реально острога не видел, можно предполагать наличие искажений в пропорциях острожных строений, поскольку на гравюре и местность вокруг Красноярска показана очень искаженно. О наличии жилой застройки вне стен Г.Ф. Миллер не упомянул. Но на карте С.У. Ремезова она имеется [8].

В **Рыбинском остроге** (северный берег р. Ангары, в 108 верстах от ее устья), из-за того, что он был построен на высокой скале, тыновая стена, имевшая проезжую башню, полумесяцем выводилась к реке. В период путешествий Г.Ф. Миллера в остроге находились церковь и два амбара, а дом приказчика и частные дворы располагались снаружи [4. С. 42].

Сведения об **Ачинском остроге** 1641 г. в опубликованных трудах Г.Ф. Миллера отсутствуют. Из иных источников известно, что он был построен у оз. Сызырим недалеко от р. Чулым, а затем неоднократно переносился по р. Чулым и перестраивался. Место расположения первого Ачинского острога нами обнаружено в ходе полевых разведочных работ – с этим объектом идентифицирован трапезиевидный в плане комплекс валов и рвов на южном берегу оз. Домашнее в пределах с. Дорохово Назаровского района Красноярского края. По данным начала XVIII в. острог находился уже

на месте современного г. Ачинска. Его размеры были 10×10 сажень [5. С. 90–91]. Имелись тыновые стены с двумя башнями [6].

Канский острог (южный берег р. Кан), по словам Г.Ф. Миллера (1735 г.), был построен «в форме круга из положенных поперек друг на друга бревен и вбитых между ними кольев» (т.е. в технике заплота). В остроге или рядом было 40–50 домов, 5 из которых стояли выше острога на противоположном берегу реки [4. С. 63]. Но в 1739 г. он уже сообщал, что здесь имелись обычные острожные укрепления и церковь [Там же. С. 63, 136]. Обычными же для Средней Сибири (за редкими исключениями) были остроги, имевшие в плане форму квадрата или прямоугольника. На карте С.У. Ремезова Канский острог показан именно таким (прямоугольным в плане) [8. С. 34]. Судя по примечаниям самого Г.Ф. Миллера, касающихся Канской земли, в этом остроге он не был и сведения о нем получил лишь по чьим-то рассказам, скорее всего, ошибочно понятым относительно круглой формы острога. Но эти сведения могут быть дополнены сообщением С.П. Крашенинникова, который побывал в Канске в 1735 г. и указал, что в остроге имеются «церковь..., канцелярия, прикащиков двор и амбары, где ясок кладется»; им упомянуто также о сорока частных дворах, но не отмечено, где они находятся – судя по большому их числу, они в большинстве должны были стоять за пределами острога [9. С. 66].

Нижнеудинский острог (восточный берег р. Уда) первоначально имел тыновые стены, которые незадолго до путешествия Г.Ф. Миллера были заменены «четырёхугольной стеной из положенных поперек друг на друга бревен и вбитых между ними кольев» (т.е. выполненной в технике заплота); со стороны поля имелись ворота, над которыми сооружена часовня (вероятно, все это находилось в проезжей башне). В остроге имелись казармы для гарнизона и амбары. Частные дома находились вне его [4. С. 63]. С.П. Крашенинников, побывавший здесь также в 1735 г., отметив часовню, дополнил эти сведения указаниями, что в остроге находились «...прикащиков двор, несколько амбаров, баня над воротами... А за острогом только 4 двора обывательских» [9. С. 67]. Следует отметить, что достоверность приведенного сообщения о бане, тем более расположенной, исходя из сути информации, на втором этаже проезжей башни, где, по Г.Ф. Миллеру, находилась часовня [4. С. 63], весьма сомнительна.

Бельский (Бельской, Беловский) острог (западный берег р. Белая, в 10,5 верстах от ее устья) имел тыновые стены в форме четырехугольника. Капитально отремонтирован в 1733 г., включая проезжую башню. В остроге тогда стояли церковь и провиантские амбары. Дом приказчика, судная изба и частные дома находились снаружи. В шести верстах выше острога стояла Троицкая слобода с церковью, окруженной маленьким острогом [Там же. С. 41].

Кемский острог (восточный берег р. Кемь, примерно в 150 верстах от Енисейска) имел тыновые сте-

ны, поставленные в форме четырехугольника, с проезжей башней и надолбами со стороны суши. В период путешествий Г.Ф. Миллера церковь, дом приказчика, судная изба и провиантский магазин находились в проезжей башне. Частные дома стояли снаружи [4. С. 41].

Тасеевский острог (западный берег р. Усолки) имел тыновые стены в форме четырехугольника с двумя башнями. В период путешествий Г.Ф. Миллера в остроге стояли церковь, дом приказчика, судная изба и амбары; вокруг острога установлены рогатки. Частные дома находились снаружи [Там же. С. 42].

Караульный верхний острог (левый берег Енисея, в 7 верстах ниже устья р. Сисим) имел тыновые стены, расположенные в форме четырехугольника, три боевые и проезжую башню со стороны Красноярска. В остроге имелись церковь, приказная изба, жилище приказчика и амбары. Частные дома стояли вне его [Там же. С. 60, 63].

Ломовской острог Г.Ф. Миллером лишь упоминается как стоящий на р. Острожной, в тайге по дороге из Красноярска в Томск. Из иных источников каких-либо сведений об его планировке нет.

Первый Абаканский острог (остров Карагас на Енисее недалеко от устья р. Абакан – вероятно, это нынешний Тагарский остров) в описании Г.Ф. Миллера не попал, поскольку был ликвидирован в результате осады кыргызами вскоре после создания [10. С. 167–168].

Второй Абаканский острог (правый берег Енисея, в 70 верстах ниже по течению от устья Абакана) вначале имел тыновые стены, но в период путешествий Г.Ф. Миллера уже срубные (скорее всего – тарасы, поскольку ученый написал, что острог в 1725 г. возведен заново четырехугольным в плане «... по образцу деревянных домов» [4 С. 62]). Вокруг острога с трех сторон был протянут ров, сопровождаемый надолбами. Имелись 4 угловые и проезжая (со стороны поля) башни. Ворота выходили как к реке, так и в сторону поля (в последнем случае – под башней). «...Внутри стен» располагались казармы и амбары, что и позволяет характеризовать первые как тарасы. Отдельные строения в остроге – церковь, приказная изба и жилье приказчика (в разных зданиях), амуниционный и провиантские магазины, караулка. У острога выше по течению Енисея стояли частные дома [Там же. С. 62]. По данным инженер-капитана С. Плаутина 1745 г. «Абаканская крепость деревянная, четверугольная» [11. С. 255].

Караульный нижний острог не получил описания у Г.Ф. Миллера и в иных источниках. По имеющимся отрывочным сведениям можно полагать, что он стоял на левом берегу Енисея, приблизительно напротив устья р. Мана.

Саянский острог (правый берег Енисея, в 57 верстах выше устья р. Абакан) Г.Ф. Миллер в 1735 г., т.е. до своей поездки на юг Приенисейского края, описывал как имеющий форму «круга из положенных друг на друга бревен в полторы сажени высотой». Как и в случае с Канским острогом, исследователь, видимо, записал данные сведения с чьих-то слов. Так, после путе-

шестивия на юг Приенисейского края (1739 г.) он описал Саянский острог уже как имеющий форму квадрата со сторонами примерно по 50 саженой. Однако в самом остроге он не побывал, ограничившись пребыванием на противоположном от него (левом) берегу Енисея, откуда острог просматривался [4. С. 62, 156]. С. Плаутин также сообщал, что «Саянская крепость деревянная, четверугольная» [11. С. 256]. Исходя из этих упоминаний, в остроге имелись две проезжие башни (в стоявшей со стороны реки находилась часовня, в противоположной – караулка), а 4 угловые использовались под казармы. Вокруг острога заплот, рубленый в лапу, а также ров, позади которого установлены надолбы; перед воротами стояли рогатки. Внутри располагались дом приказчика с его жилой частью, амуниционный и провиантский магазины. Частных домов не имелось. С этими сведениями в целом совпадает описание 1773 г. П.С. Палласа, сообщившего о 5-ти казармах в остроге и упомянувшего еще и пороховой погреб [12. С. 542–543]; можно допустить, что Г.Ф. Миллер именно этот объект называл амуниционным магазином. Возможно, на берегу Енисея отдельно стоял еще амбар [13. С. 56]. Проведенное силами археологического отряда Новосибирского госуниверситета полное раскопное изучение острога подтвердило достоверность большинства указанных сведений, в том числе относительно его планировки подквадратной формы, наличия заплота, использования четырех угловых башен под жилье, присутствия порохового погреба и провиантского магазина, также имевшего погреб для хранения припасов; 5-я казарма, упомянутая П.С. Палласом, вероятно, находилась в одном из тарасов в стене со стороны реки [14]. Все это может косвенно свидетельствовать в пользу достаточно высокой степени объективности и иных сообщений Г.Ф. Миллера о русских сибирских острогах, основанных на его личных сведениях, в том числе как очевидца.

Село Есаулово (правый берег Енисея в 30 верстах ниже по течению от Красноярска), получившее у Г.Ф. Миллера определение «административная деревня», было самым большим в Красноярском уезде в первой трети XVIII в. В 1735 г. здесь имелись две церкви и до 160 дворов. Со стороны поля все постройки были обнесены тыновой стеной не указанной конфигурации, рвом, надолбами и рогатками. Имелась проезжая башня [4. С. 64].

Село Частоостровское (левый берег Енисея в 35 км ниже по течению от Красноярска), также «административная деревня», в 1739 г. имело церковь и до 50 дворов. Было укреплено подобно с. Есаулово [Там же. С. 64, 138].

Село Подъёмное (р. Верхняя Подъёмная, в 2 верстах от ее устья) в 1735 г. имело церковь и 13 дворов. В то время вокруг него велось строительство деревянной стены в технике заплота, не указанной в плане конфигурации [Там же. С. 64].

В целом Г.Ф. Миллер привел единовременные сведения разной степени полноты о планировке 19 из

22 укреплений острожного типа известных в его время на территории Средней Сибири под своими тогдашними именами. Исходя из них, мы можем сделать ряд важных обобщений.

Так, в этот период на территории Средней Сибири абсолютно преобладала подквадратная или подпрямоугольная планировка оборонительных стен и рвов. Канский и Саянский остроги также могут быть уверенно включены в это число, поскольку упоминания о форме круга для них являются явно ошибочными – даже в настоящее время на Енисее постройку квадратной формы часто называют круглой, что в таком виде, вероятно, и донесли до исследователя его информаторы в 1735 г., а Г.Ф. Миллер понял это буквально. Подквадратная планировка Саянского острога достоверно фиксируется и по данным археологии. Лишь 2 острога имели в плане форму, применявшуюся к условиям местности (Рыбинский) или имеющимся площадям жилой и иной застройки (внешний город Енисейска). Стены, также в подавляющем большинстве случаев, были тыновыми (даже применительно к уездным городам). Однако, видимо, начиная с создания Саянского острога использовалась преимущественно уже техника заплота как в ходе перестроек (Канский и Нижнеудинский остроги), так и при новом строительстве (Саянский острог и «административные деревни»). Дорогая и трудоемкая техника тарасов была применена в полном объеме лишь в одном случае – в ходе перестройки второго Абаканского острога (частично использовалась также в Саянском остроге, что установлено по результатам археологических раскопок) [14]. В связи с отсутствием сведений о конструкции стен Новой Мангазеи остается лишь предполагать, что упомянутые Г.Ф. Миллером амбары для ясачной казны и казенного инструментария могли быть «...врублены в верхний этаж крепостной стены», имевшей вид тарасов. О наличии рвов упоминается лишь в четырех случаях (все в Красноярском уезде; причем в двух из них для «административных деревень»), надолбов – в семи случаях (из них для Енисейского уезда лишь в одном случае).

Состав деревянных сооружений оборонительного характера не был стандартным. В частности, сильно разнилось количество башен – от одной (в пяти случаях о башнях вообще не упоминалось, но при этом не исключено, что их наличие подразумевалось) до пяти (в Новой Мангазее и во втором Абаканском), шести (в Саянском) и даже семи (в Красноярском остроге). Отличался и состав построек административно-хозяйственного и религиозного характера, хотя большинство их присутствовало во всех объектах – это дом приказчика (воеводы), канцелярия, амбары, часовня (или церковь); лишь в двух случаях (оба в Енисейском уезде) дом приказчика находился вне острога. Интересно, что о пороховом (амуниционном) погребе (магazine) упоминается лишь 4 раза, причем 3 из них для Красноярского уезда. Для уездных центров было ха-

рактрно дополнительно наличие таких объектов, как ратуша, гостиный двор (для Красноярского острога не упомянут), винный погреб (для Енисейского острога не упомянут). Во всех этих трех уездных острогах имелись также караулки, которые в остальных случаях упоминались лишь для самых южных – второго Абаканского и Саянского.

Отмечается заметная разница в уровне поддержания обороноспособности русских поселений Енисейского и Красноярского уездов. Так, на более северных территориях часть укреплений была в плохом состоянии, новые не возводились, развалившиеся ремонтировались мало (это было сделано лишь для Бельского острога на южной границе Енисейского уезда), значительная часть разнородных построек находилась уже вне их стен, деревни укреплений не имели. В Красноярском же уезде протекали разнородные процессы. Именно здесь находились остроги, в которых применялась дорогостоящая техника тарасов и имелось максимальное количество башен, строились новые укрепления (даже для деревень), подновлялись или перестраивались старые; в целом большинство действующих было в хорошем состоянии. Но одновременно часть построек (главным образом жилых) также выносились наружу и отдельно не укреплялась, что могло свидетельствовать о начале тен-

денции снижения военной опасности для русского населения даже южных районов, хотя угроза джунгарских набегов существовала до середины этого столетия.

Относительно оценки качества письменных источников нельзя не упомянуть о значительных расхождениях между сведениями Г.Ф. Миллера о большинстве острогов и их изображениями на карте С.У. Ремезова. Кроме того, для Средней Сибири на этой карте по Енисею ниже Красноярска показаны два острога, которые у Г.Ф. Миллера в таком качестве не упоминаются – Казачий Луг и Караульный. Уточнения данных сведений, с учетом их одновременности и показа С.У. Ремезовым, возможно, уже не существовавших к концу XVII в. объектов фортификации – задачи нашей дальнейшей работы, для чего необходимы и полевые археологические исследования. Именно они, как это уже было на примере полных раскопок Саянского острога, частичных на площади Красноярского и Енисейского острогов, или поиска места расположения первого Ачинского острога, позволят уточнить сведения архивных материалов, конкретизировать размеры, формы построек, выявить их взаимную соподчиненность и таким образом внести большую определенность в материалы письменных источников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кочедамов В.И. Первые русские города Сибири. М. : Стройиздат, 1978. 190 с.
2. Градостроительство Сибири. СПб. : Коло, 2011. 784 с.
3. Крадин Н.П. Русское деревянное оборонное зодчество. М. : Искусство, 1988. 142 с.
4. Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. Новосибирск : Сибирский хронограф, 1996. 310 с.
5. Резун Д.Я., Васильевский Р.С. Летопись сибирских городов. Новосибирск : Новосиб. книжн. изд-во, 1989. 304 с.
6. Из отчета томских воевод об укреплениях, количестве вооружения, огненных припасов в Томске и подведомственных ему острогах. 1706 г. // Восточная литература. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVII/1600-1620/Tomsk_ist/text1.htm, свободный.
7. Колпашиков А.Я. De Stadt Krasnojarsk. Гравюра (по зарисовкам 1730-х гг.) URL: <http://dic.academic.ru/pictures/wiki/files/66/Before1733.jpg>, свободный.
8. Ремезов С.У. Чертежная книга Сибири. 1701. 50 с. URL: <https://www.flickr.com/photos/132527901@N07/20319978195/in/album-72157656827164281>, свободный.
9. С.П. Крашенинников в Сибири. Неопубликованные материалы. М.; Л. : Наука, 1966. 239 с.
10. Чертыков В.К. Хакасия в XVII – начале XVIII века и ее взаимоотношения с Россией и государствами Центральной Азии. Абакан : Хакасск. книжн. изд-во, 2007. 336 с.
11. Чертыков В.К. Материалы по истории Хакасии первой половины XVIII в. в фондах Архива внешней политики Российской империи // Материалы I Межрегиональной научно-практической конференции «Архивные документы в системе объективного научного знания об истории Сибири», приуроченной к 85-летию со дня образования архивной службы Республики Хакасия. Абакан : Бригантина, 2012. С. 250–257.
12. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Ч. 3. Пол. 1. СПб., 1788. 624 с.
13. Быконя Г.Ф. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. Новосибирск : Наука, 1981. 248 с.
14. Скобелев С.Г. Саянский острог как памятник археологии // Культура русских в археологических исследованиях. Омск : Изд-во ОмГПУ, 2002. С. 137–149.

Skobelev Sergey G. Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia). E-mail: sgskobelev@yandex.ru

BASIC LAYOUT TYPES OF THE RUSSIAN FORTS IN MIDDLE SIBERIA ON DESCRIPTIONS OF G.F. MILLER

Keywords: Middle Siberia; XVIII century; ostrogs (Russian fortresses); planning.

Russian “ostrogs” (wooden fortresses) in Siberia are very significant objects of history. For their archaeological research it is important to know the location of individual buildings in the yard area of each of them. The purpose of the presented article is a characteristic of the layout and current state of the “ostrogs” of Middle Siberia in the 1730–40 years. For this purpose, the following tasks were planned: the search for documents containing information about these objects; the determination of reliability of messages made by different authors; the characterization of the layout of each fortress; the assessment of their current technical condition; the comparison of planning and degree of preservation of “ostrogs” in different territories. The research methodology is based on the principle of historicism, the historical-comparative method and its derivatives are used. Criticism of sources is being conducted, a cross-sectional analysis of the content of all types of information is carried out. The problematic field of research is presented as a mismatch in a number of cases of reports by different authors and even one author in different years with respect to the same objects. The source base is mainly the travel materials of 1735 and 1739 by G.F. Miller; in addition, the information of other authors was used. In the course of the research, a one-time “cut” of the planning and current situation of 16 from the 19 known “ostrogs” and 3 fortified villages was made. As a result, the author came to a number of conclusions. So in the region the rectangular or square forms prevailed in the planning; for the Kansk and

Sayansk “ostrogs” G.F. Miller in 1735 made mistakes in the descriptions, misunderstood the expression “round” for buildings, but in 1739 he corrected these mistakes. The set of structures in the “ostrogs” was not standard; it was different both for the “uyezd” (district) centers, and for the northern and southern parts of the Middle Siberia. In the north the “ostrogs” usually had few towers and were often in poor condition. Residential and other buildings were sometimes located outside their walls. In the south the fortresses were repaired and rebuilt, in wooden architecture the most reliable structures such as “zaplot” and “taras” were used. Even large villages had fortifications. The southernmost “ostrogs” (Sayansk and Abakansk) were the most fortified, which is due to the presence here before the middle of the XVIII century of the military threat from the side of the Dzungar Khanate. In general, the results obtained make it possible to restore the layout of most of these important objects of the historical and cultural heritage of Siberia. This can be a great help in their possible archaeological excavations.

REFERENCES

1. Kochedamov, V.I. (1978) *Pervyye russkiye goroda Sibiri* [The First Russian Cities in Siberia]. Moscow: Stroyizdat.
2. Gorbachev, V.T., Kradin, N.N., Kradin, N.P., Krushlinskiy, V.I., Stepanskaya, T.M. & Tsarov, V.I. (2011) *Gradostroitel'stvo Sibiri* [Urban Planning in Siberia]. St. Petersburg: Kolo.
3. Kradin, N.P. (1988) *Russkoye derevyannoye oboronnoye zodchestvo* [Russian Wooden Defense Architecture]. Moscow: Iskusstvo.
4. Pokrovskiy, N.N. (ed.) (1996) *Sibir' XVIII veka v putevykh opisaniyakh G.F. Millera* [Siberia of the 18th century in the travel notes by G.F. Mueller]. Translated from German. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf.
5. Rezun, D.Ya. & Vasilyevskiy, R.S. (1989) *Letopis' sibirskikh gorodov* [Chronicle of Siberian Cities]. Novosibirsk: Novosibirskoe knizhnoe izdatel'stvo.
6. Central State Archive of Ancient Acts. (1706) *Iz otcheta tomskikh voyevod ob ukrepleniyyakh, kolichestve vooruzheniya, ognennykh pripasov v Tomске i podvedomstvennykh yemu ostrogakh. 1706 g.* [From the report of the Tomsk voevodas about the fortifications, the number of weapons, fire supplies in Tomsk and the stockades under its jurisdiction. 1706]. [Online] Available from: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVII/1600-1620/Tomsk_ist/text1.htm.
7. Kolpashnikov, A.Ya. (n.d.) *De Stadt Krasnojarsk. Gravyura (po zarisovkam 1730-kh gg.)* [The City of Krasnojarsk. Engraving (by sketches of the 1730s)]. [Online] Available from: <http://dic.academic.ru/pictures/wiki/files/66/Before1733.jpg>.
8. Remezov, S.U. (1701) *Chertezhnaya kniga Sibiri. 1701* [Siberian Drawing Book. 1701]. [Online] Available from: <https://www.flickr.com/photos/132527901@N07/20319978195/in/album-72157656827164281>.
9. Stepanov, N.N. (ed.) (1966) *S.P. Krashennnikov v Sibiri. Neopublikovannyye materialy* [S.P. Krashennnikov in Siberia. Unpublished materials]. Moscow; Leningrad: Nauka.
10. Chertykov, V.K. (2007) *Khakasiya v XVII – nachale XVIII veka i yeye vzaimootnosheniya s Rossiyei i gosudarstvami Tsentral'noy Azii* [Khakassia in the 17th – early 18th centuries and its relationship with Russia and the states of Central Asia]. Abakan: Khakasskoe knizhnoe izdatel'stvo.
11. Chertykov, V.K. (2012) Materialy po istorii Khakasii pervoy poloviny XVIII v. v fondakh Arkhiva vneshney politiki Rossiyskoy imperii [Materials on the history of Khakassia in the first half of the 18th century in the funds of the Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire]. In: Rays, V.M. & Okolnikova, O.I. (eds) *Arkhivnyye dokumenty v sisteme ob'yektivnogo nauchnogo znaniya ob istorii Sibiri* [Archival Documents in the System of Objective Knowledge of the History of Siberia]. Abakan: Brigantina. pp. 250–257.
12. Pallas, P.S. (1788) *Puteshestviye po raznym provintsiyam Rossiyskogo gosudarstva* [Travel to Different Provinces of the Russian State]. Vol. 3(1). Translated from German. St. Petersburg: [s.n.].
13. Bykonya, G.F. (1981) *Zaseleniye russkimi Priyeniseyskogo kraya v XVIII v.* [Russian Colonisation in the Enisei Krai in the 18th century]. Novosibirsk: Nauka.
14. Skobelev, S.G. (2002) Sayanskiy ostrog kak pamyatnik arkhologii [Sayan stockade as a monument of archeology]. In: Tataurova, L.V. (ed.) *Kul'tura russkikh v arkhologicheskikh issledovaniyakh* [Russian Culture in Archaeological Research]. Omsk: Omsk State Pedagogical University. pp. 137–149.